

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ: ВАРИАТИВНОСТЬ ПОДХОДОВ

С. Вонсович

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Поступила в редакцию 25 апреля 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме политического транзита в контексте современных изменений; обоснована вариативность подходов политического перехода как западных, так и восточноевропейских ученых; уточнены типология и критерии политического транзита применительно к постсоветскому политическому пространству.*

Ключевые слова: *транзитологическая парадигма, демократический транзит, классический и неклассический транзиты, факторы дифференциации моделей транзита.*

Abstract: *the article deals with the problem of political transit in the context of current changes; variability in approaches to political transit of both Western and Eastern European scientists is substantiated: the typology and criteria of political transit in relation to post-soviet political space are specified.*

Key words: *transitology paradigm, democratic transit, classical and non-classical transits, factors of differentiating models of transit.*

Проблема политического перехода, несмотря на свою временную протяженность и оформление в прикладную сферу – транзитологию, является важной для современной политической науки и поэтому представляет несомненный интерес для исследователей. Особую актуальность проблема транзита приобретает в контексте формирования государственных, системно-режимных образований на постсоветском политическом пространстве, под определение которых спешно «подгоняются» дефиниции, разработанные представителями политической мысли Запада, причем без учета конкретной специфики возникновения и генезиса этих государственных образований.

Процесс перехода как в классическом (перехода к демократии), так и в неклассическом вариантах имеет свои темпоральные характеристики. Поэтому в исследовании приобретает значимость подход к анализу процесса демократического транзита. В этом плане классической является теория С. Хантингтона [1–3] о трех «волнах демократизации». «Волна демократизации» рассматривается им как группа переходов от недемократических к демократическим режимам, которые происходят в определенный период времени, причем в данный период времени количественно преобладают переходы в противоположном направлении [4, с. 57]. «Волна», как правило, влечет за собой либерализацию или частичную демократизацию. Отметим, что выделение «волн демократизации» носит условный характер, поскольку историческое развитие не является линейным, и не все де-

мократические переходы происходили только при нарастании демократической волны. Авторская датировка демократических волн также носит условный характер. С. Хантингтон, ссылаясь на исторический и эмпирический материал, разработал волновой подход к демократизации в мировом масштабе.

Следовательно, проблема периодизации «волн демократизации» является актуальной в политической науке, подчеркивает ее эвристический потенциал, позволяет ввести новые критерии, факторы соответствующих процессов и выявить их особенности. Но необходимо отметить, что демократические изменения происходили в разных странах с разной интенсивностью, поэтому проявление особенностей каждой из волн демократизации представляется уникальным для каждого отдельно взятого примера. Кроме того, не все ученые соглашались с периодизацией С. Хантингтона и вводят другие темпоральные характеристики для каждой из «волн» (Р. Даль [5], Ф. Шмиттер [6]).

Волновой подход имеет заметное методологическое значение. Во-первых, он позволяет сравнивать разные исторические этапы в развитии политического транзита, во-вторых, выявить группы стран, транзитологические процессы в которых имели сходные особенности. Существует точка зрения, что волна отражает удвоенную природу транзитивных изменений как чередование периодов хаоса и порядка. Ее сравнивают с колебанием или маятником. Категория «волна» чаще всего применяется в качестве метафоры. Анализ волн политического транзита происходит по двум направлениям: во-первых, определяются

противоположные стороны одного и того же процесса (борьба между общественным и частным интересом), во-вторых, исследуется взаимодействие между различными политическими направлениями (например, консерватизм-либерализм).

Поскольку демократический транзит затронул большое количество стран с различной хронологией, то возникает логичный вопрос: как можно классифицировать страны демократического перехода? Американский компаративист Роберт Дикс разделил все страны на имеющие успешный и неуспешный опыт демократизации. При трех волнах демократизации, судя по его анализу, 46 стран имели удачный опыт демократизации, а 25 – неудачный. Наибольшее количество успехов демократии пришлось на период третьей волны. Результаты исследования также показали, что наилучшей для развития демократии представляется такая ситуация, когда политическая конкуренция предшествует широкому политическому участию. Однако она является результатом особых исторических и культурных условий и ее повторение маловероятно.

Третья волна продемонстрировала значение предыдущего опыта демократизации. Что касается средств перехода к демократическому политическому режиму, то анализ демократического транзита в странах третьей волны демократизации показал, что часть стран пошла по пути трансформации гегемонистских режимов, а часть – путем их свержения [7, с. 199–201].

Западные политологи К. Джаггерс и Т. Гарр также создали собственную классификацию транзитивных государств. Они проанализировали послевоенные демократии и в зависимости от институциональной консолидации, т.е. степени согласованности системы и институциональных структур среди них выделили согласованные и несогласованные. Для демократии политическое участие является конкурентным, исполнительные должности элективными и прессинг на исполнительную власть существенным. Результаты исследований привели к выводу, что доля согласованных автократических систем за период с 1975 по 1994 г. понизилась с 55 до 18 %, а доля согласованных демократий выросла за это время с 27 до 50 %. Наблюдается также рост неконсолидированных автократий с 13 до 19 % и демократий с 5 до 13 %. В число подобных автократий попали Таджикистан и Казахстан, а демократий – Белоруссия, Грузия, Киргизия и Молдова [8].

Целесообразно выделить и другие факторы дифференциации трансформационных моделей стран третьей волны: степень модернизованности общества, принадлежность к разным цивилизациям, характеристики политической системы и государственного устройства страны, размер территории и численность населения, национальные, религиозные традиции и менталитет, тип господствующей идео-

логии, особенности и время господства предыдущего политического режима, геополитические ориентации государства, экономическая, военно-политическая помощь других стран. Также существенную роль для политического транзита играет характер докоммунистических и досоветских традиций в обществе, наличие/отсутствие опыта демократии; особенности внешней среды как фактора трансформационных процессов; состояние социально-экономической, политической и духовно-культурной сфер; конкретный вариант эрозии и разложения авторитарных структур; принципы ротации и восстановления элит; тактика политических акторов с учетом их психологических особенностей; своеобразие новых политических институтов и путей их формирования и т.д.

Транзит к демократии может сопровождаться многочисленными кризисами или проходить почти бескризисно. Кризисные особенности транзита выражаются в пересечении политических требований с дезертирством бизнес-элиты, экономически мотивированным массовым протестом, расколом внутри правительства, перераспределением властных ресурсов, сильным влиянием оппозиции на процесс конституционной реформы. Партийная система в условиях кризисного перехода характеризуется фрагментарностью, поляризацией политических интересов элит. Некризисные переходы проявляются в следующем: демократический транзит происходит на основе политических принципов; конституционная реформа воспринимается авторитарными силами должным образом, с необходимостью и пониманием; происходит увеличение политического веса партий центра [9].

Другую классификацию демократических транзитов предложил польский ученый Л. Бальцеревич. По его мнению, демократический транзит может быть классического, неоклассического, рыночно ориентированного и посткоммунистического типов. Классический транзит характеризуется утверждением демократии в развитых капиталистических странах между 1860 и 1920 гг. Неоклассический транзит стал результатом демократизации капиталистических стран после Второй мировой войны. Примерами неоклассического транзита являются Западная Германия, Италия, Япония в 1940-е гг.; Испания, Португалия и некоторые страны Латинской Америки в 1970-е гг.; Южная Корея и Тайвань в 1980-е гг. Рыночно ориентированный транзит характерен для некоторых восточных стран после Второй мировой войны (Южная Корея и Тайвань в начале 1960-х гг.; Чили в 1970-е гг., Турция и Мексика в 1980-е гг., Аргентина в 1990-е гг.). Азиатский посткоммунистический транзит произошел в Китае в конце 1970-х гг. и во Вьетнаме в конце 1980-х гг. XX в.

Также следует выделить типологию Д. Белла, который обобщил подход к типологии транзитивных

стран. По его мнению, все страны можно условно разделить на три большие группы: стабильные демократии Запада; молодые, неконсолидированные демократии стран Центральной и Восточной Европы; неконсолидированные; «фасадные» и «псевдодемократии» значительного числа посткоммунистических стран [10, с. 70].

Таким образом, можно констатировать, что из 100 стран только 20 за последние годы движутся к демократии (Болгария, Бразилия, Эстония, Мексика, Южная Корея, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Тайвань, Венгрия, Уругвай, Филиппины, Чехия, Чили и др.). Большинство других стран вступили в политическую «серую зону», т.е. в зону неопределенного будущего демократии. В этих странах утвердилась процедура демократических выборов и была принята демократическая конституция, но существует вопрос легитимности выборов и низкого уровня политического участия граждан. В результате к политическим режимам такого типа примеряются различные дефиниции, такие как «неполная демократия», «полудемократия», «формальная», «электоральная», «фасадная» демократия, «псевдодемократия», «слабая», «частичная», «нелиберальная», «виртуальная» демократия. В частности, Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер [6; 11] назвали режимы демократического транзита гибридными. Среди них они выделили: 1) «опекунскую демократию», в которой режим находится под попечительством старого государственного аппарата. В числе характерных ее признаков ведущая роль анклавов, многоступенчатые выборы, формирование парламента путем назначения, ограничения в оппозиционной деятельности. Такой режим направлен на сохранение власти правящей элиты; 2) «управляемую или манипулятивную демократию», возникающую в условиях, когда демократизация опережает либерализацию и все политические ресурсы сосредоточиваются в одних руках; 3) «псевдодемократию», предусматривающую проведение формальных выборов и деятельность оппозиции, но де-факто правящая партия застрахована от устранения от власти.

Новым подходом к классификации демократических транзитов является подход политолога Т. Кузьо. Он считает, что все демократические транзиты можно разделить на три типа: двойные, триотранзиты и квадранзиты [12, с. 210]. Двойной транзит произошел в странах Латинской Америки и Южной Европы. В них переход сочетался в основном с задачами демократизации и в некоторой степени маркетизации. До начала демократизации в этих странах уже существовали элементы рыночного хозяйства. Тройной переход (или триотранзит) присущ большинству стран Центрально-Восточной Европы. В них соединились процессы демократизации, маркетизации и развития государственности. Квадро-

транзиты являются наиболее комплексными. Они произошли в странах бывшего СССР, Югославии и Словакии. Эти государства столкнулись с проблемами развития государственности, демократизации, маркетизации и становления национальной идентичности одновременно.

Политологи В. Меркель и А. Круассан предложили модель «демократии с дефектами» (именно так они называют современные страны демократического транзита) [13, с. 10]. Особенность ее состоит в том, что выборы как демократическая процедура закрепились, однако фактической возможности для реализации прав и свобод у граждан нет. Они выделили три разновидности «демократий с дефектами»: 1) «демократия с исключениями», в которой большой сегмент населения лишен права участия в выборах через определенные признаки (расовые, возрастные и т. п.); 2) «демократия с анклавами», в которой отдельные сферы государственной жизни выведены из-под демократического контроля; 3) «несбалансированная демократия», в которой действия исполнительной власти не коррелируются с парламентом и судебной властью. В демократии этого типа баланс ветвей власти является нарушенным.

Достоянием транзитологического направления в теории политической науки стала не только теория о волнах демократизации, но и теория о вариантах возможного демократического перехода. С. Хантингтон называет эти варианты трансформацией, замещением или транссмещением. Исследователь объясняет, что трансформация происходит в условиях, когда правящая элита сама начинает процесс перехода (реформация). Этот процесс состоит из пяти фаз: 1) появление реформаторов; 2) приход их к власти; 3) либерализация; 4) обратная легитимация – интеграция консерваторов или институтов прошлого в новую систему; 5) демократизация [14].

Примерами трансформации С. Хантингтон назвал военные авторитарные политические режимы Бразилии, Гватемалы, Эквадора, Перу, Испании и Чили и однопартийные системы в СССР, Болгарии и Венгрии. Замещение является другим вариантом транзита. Оно становится реальностью, когда переход проводит политическая оппозиция, которая приходит к власти и устраняет авторитарный политический режим. Вариант замещения характерен в условиях господства в стране диктатора. Процесс замещения состоит из трех этапов: 1) борьба оппозиции; 2) распад режима; 3) борьба после распада. Особенность этого варианта – уход страны из прошлой политики и потеря старой элитой политической власти. Примером замещения является падение режима Чаушеску в Румынии, Салазара-Каэтано в Португалии. Последний вариант перехода – транссмещение – происходит, когда демократизация является результатом совместной работы властной элиты и оппозиции. Переговор-

ный процесс между представителями власти и оппозицией начинается тогда, когда властная элита становится неспособной осуществить демократические перемены собственноручно и чувствует необходимость совместной работы с оппозицией. Примеры транссмещения были характерны для однопартийных режимов Польши и Чехословакии.

Польские исследователи находят недостатки в этом подходе С. Хантингтона. В частности, Богуслава Добек-Островская замечает, что нельзя жестко привязывать опыт политического транзита в Польше, Чехословакии и Венгрии к одному типу перехода. По ее мнению, демократизация в этих странах имеет общие черты и с трансформацией, и с замещением [15]. Таким образом, процесс демократизации в стране может сочетать различные варианты перехода.

В связи с этим интересными представляются схемы перехода к демократии – кооперативная и конкурентная, предложенные российской исследовательницей А. Харитоновой [16, с. 75–76]. Кооперативная состоит из последовательной либерализации политического режима, конституирования новых демократических институтов и ресоциализации населения. Конкурентная схема имеет более авторитарные тенденции – резкая либерализация сочетается со становлением демократических институтов, но политическая элита при этом использует авторитарные методы управления.

Примечательно, что известный социолог Энтони Гидденс, рассматривая специфику политических транзитов, выделил два подхода к анализу перспектив развития демократии: а) «теорию хрупкого цветка», заключающуюся в том, что в некоторых странах для успешного завершения демократического транзита должны быть сформированы глубинные предпосылки; б) «теорию многолетнего растения», которая находит свое проявление в тех транзитивных обществах, где глубокий исторический опыт демократизации не является обязательным для внедрения демократии. С его точки зрения, в мире происходит всеобщее переплетение различных сдвигов [13]. Ж. Мунк и К. Лефф имеют более практическую точку зрения относительно возможностей демократического транзита и считают, что его результат зависит от двух факторов: качеств политической элиты (старая, новая или комбинация старой и новой) и типа политической стратегии (основанной на конфронтации или на адаптации) [17].

Таким образом, демократический транзит воспринимается учеными не в детерминированном (набор объективных условий и факторов) плане, а в возможном и вариативном. Примером могут служить транзитологические модели Н. А. Латигиной [18, с. 216–221]. В циклической модели она видела следующие особенности: упадок социальной сферы, снижение уровня легитимности политических ин-

ститутов и недоверие к политике правительства приводит к кризису политического режима. Такие политические режимы постоянно колеблются от авторитаризма к демократии.

Второй моделью перехода называют «постепенные изменения в сторону демократии» (Австрия, Германия, Италия), которые прерываются становлением авторитарного политического режима.

Третьей моделью является модель «прерванной демократии». Она находит свое выражение в тех условиях, когда существование демократического политического режима приостанавливается на время по разным причинам: военного переворота, гражданской войны и т.п. Примером такой модели демократического транзита является Индия в 1970-е гг.

Четвертая модель демократического транзита представляет постепенную эволюцию от стабильного авторитарного политического режима к стабильному демократическому. Эта модель типична для транзитов стран первой и третьей волны демократизации.

Последней является модель деколонизации, когда демократическая власть вводит демократические институты в собственных колониях, а независимые колонии хранят приобретенные институты. Это страны – бывшие колонии Британской империи. Страны третьей волны демократизации олицетворяют все пять моделей демократического транзита. Примером последних демократических транзитов можно считать опыт Испании, где демократический политический режим насаждался сверху политической элитой. При этом исследовательница считает, что полуавторитарный политический режим никогда не бывает стабильным, поскольку он связан с большим количеством конфликтов.

Как видим, существует большое разнообразие научных подходов, концепций и теорий в транзитологической парадигме политической науки. Подход С. Хантингтона о волнах демократизации является классическим и общепринятым в политической науке. Интерес к волнам демократизации формирует уверенность большинства исследователей в демократическом результате развития современных государств. Некоторые ученые даже намекают на демократическую природу человека. История демократизации на третьей волне не заканчивается. Большинство транзитологов отводят к началу XXI столетия четвертую волну демократизации и связывают ее с особенностями функционирования современной миросистемы. В частности, опираясь на подход С. Хантингтона, В. Ламентович, М. Макфол и А. Мельвиль считают, что четвертая волна демократизации началась в 1990-е гг. XX в. и связана с упадком коммунистических режимов. По мнению М. Макфола, современную волну демократизации характеризует глобальный масштаб. За пределами ее влияния

остались только мусульманские страны и Китай как страна коммунистического режима. Результатом демократических транзитов в многих странах не стала консолидированная демократия, поскольку большинство правительств таких стран руководствуются «псевдодемократической риторикой» [19, с. 230]. Современные теоретики выделяют различные факторы демократического транзита четвертой волны. В. Ламентович считает, что опоздание четвертой волны демократизации произошло из-за того, что тоталитарный политический режим тормозил процесс формирования среднего класса, который является основной движущей силой демократических перемен [20].

Относительно современного развития транзитологической парадигмы в политической науке можно отметить, что наибольшее внимание уделяется политическим изменениям, которые произошли в 1980–1990-х гг. и продолжают на протяжении последнего 20-летия в XXI в. в посткоммунистических странах. Новый транзитологический подход связывается с экспансией теории рационального выбора из экономики в политологию. Транзитологическая парадигма делает акцент не только на условиях, которые способствуют демократизации, но и на деятельности политических актеров. Демонтаж предыдущих недемократических режимов и зарождение плюралистических полицентрических режимов в странах посткоммунизма происходили на принципах либеральной демократии. Однако следует уточнить, что кризис легитимности существующих в Восточной Европе политических режимов стал кризисом самого государства. Это подтверждает распад в 1990-х гг. трех федераций: Югославской, Чехословацкой и Советского Союза.

Стоит заметить, что есть определенные сложности при типологизации стран переходного типа. Связаны они с рядом причин. Во-первых, комбинация авторитарных и демократических элементов в них является уникальной. Во-вторых, при анализе демократического транзита рассматриваются процессуальные изменения, а не устойчивые системные. Поэтому исследуется именно аспект «разрыва» со старым политическим режимом. В-третьих, страны имеют различные социально-экономические и культурные характеристики. Следовательно, в каждой стране политического транзита создаются внутренние условия для такого перехода: определенность государственных границ, национальное единство, социально-экономическое развитие, ценности политической культуры. То есть транзит становится эффектом диффузии политического режима в сторону демократии/автократии в политической, экономической и социальной сферах. При этом анализируются факторы, влияющие на консолидацию демократии или тормозящие этот процесс.

В целом переход определяется как способ изменения политического режима, по которому происходит слом институтов прежнего режима при сохранении правовой непрерывности. Демократический транзит выступает в качестве нереволуционного способа трансформации. Его исследователи разработали ряд теорий трансформационного процесса. Так, теория модернизации исследует вопрос изменения политического и социального устройства, взаимозависимости социально-экономического развития и уровня демократичности политической системы. В рамках теории модернизации сформировалась теория о политической культуре. Основные представители этой теории Г. Алмонд, С. Верба и Дж. Коулмен. Следующей является теория Д. Растоу о динамической модели. Эта модель основана на опыте перехода к демократии в Швеции (1890–1920 гг.) и Турции (1945 г.). Другая теория – структурная (Г. Алмонд, Х. Линц и Л. Пай) – приспособливает теорию модернизации к современности. Под углом ее анализа находятся изменения в социальной организации общества. Процессуальная теория демократического транзита акцентирует внимание на роли политических элит в становлении демократии (Г. О’Доннелл, Д. Растоу, А. Пшеворский, Ф. Шмиттер). Согласно последней теории – теории международного влияния (С. Хантингтон) – переход к демократии происходит под влиянием внешнего фактора («эффекта снежного кома»). Эта ситуация также возможна в условиях навязывания влиятельными странами собственного видения политического развития менее развитым в демократическом отношении странам.

Независимо от широты теоретической базы в исследовании транзита возникают нерешенные проблемы. Кроются они в определении границ между демократическим и недемократическим политическими режимами. Феномен псевдодемократии характеризует такие страны, которые получили только формальные атрибуты демократии, но фактически показатели реальной демократии в них отсутствовали. К демократиям такого типа применяется понятие «мягкого авторитаризма», сочетающего государственную монополию на власть и невмешательство в частную сферу граждан. Сюда же можно отнести и феномен «демократии без демократов», причина которого кроется в электоральном большинстве, в основном авторитарном. Очевидно, что во время демократического транзита главной проблемой является поддержание баланса между авторитарным и демократическим политическими режимами. Эволюция такого режима заключается в том, что разница между авторитарным и демократическим политическими режимами перестает быть жесткой и дихотомической. Оба режима объединяются в уникальную конфигурацию, и баланс их изменяется циклически. Также важным элементом анализа природы транзита

является исследование влияния последнего на качественные характеристики политической системы. Этот процесс идет параллельно с явлением самовоспроизводства политической системы при ее взаимодействии с внешней средой. Переходные страны характеризуются нестабильностью политической системы, приближающейся к точке бифуркации, использованием революционных средств в политике, клановостью, симбиозом старого и нового в политической системе, патриархальностью и персонализацией политической власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Сэмюэл Хантингтон. – М. : РОССПЭН, 2003.
2. Хантингтон С. 20 лет спустя : будущее третьей волны / Сэмюэл Хантингтон. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/journal/peresmot/97-12-29/hantin.htm>
3. Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации / Сэмюэл Хантингтон. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/73.php
4. Демократія : Антологія / упоряд. О. Проценко. – Київ : Смолоскип, 2005.
5. Даль Р. А. Демократия и ее критики : [пер. с англ.] / Р. А. Даль ; под ред. М. В. Ильина. – М. : РОССПЭН, 2003.
6. Шмиттер Ф. К. Будущее демократии : можно ли рассматривать ее через призму масштаба / Ф. К. Шмиттер // Логос. – 2004.
7. Сморгунув Л. В. Современная сравнительная политология : учебник / Л. В. Сморгунув. – М. : РОССПЭН, 2002.
8. Post-Communist transformations : the countries of Central and Eastern Europe and Russia in comparative perspective / ed. by Hayashi Tadayuki and Ogushi Atsushi. – Mode of access: http://srch.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no21_ses/contents.html

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Вонсович С., доцент
E-mail: vonsovych@ukr.net
Тел.: 8 (473) 221-27-46

9. Корнієнко В. О. Еволюція політичного ідеалу : від плюралізму до синтезуючої єдності / В. О. Корнієнко ; Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова та ін. – Вінниця : УНІВЕРСУМ – Вінниця, 1999.

10. Белл Д. Эпоха разобщенности : размышления о мире XXI века / Д. Белл, В. Иноземцев. – М. : Свободная мысль: Центр исслед. постиндустр. о-ва, 2007.

11. О'Доннелл Г. Делегативная демократия / Г. О'Доннелл. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/donn_del.php

12. Kuzio T. Contemporary Ukraine : dynamics of post-Soviet transformation / T. Kuzio. – М. Е. Sharpe, 1998.

13. Dynamics of democracy. – Brown and Benchmark publishers, 1995.

14. Сравнительная политика. Основные политические системы современного мира / под общ. ред. В. С. Бакирова, Н. И. Сазонова. – Харьков : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2005.

15. Dobek-Ostrowska B. Comparative media systems, European and global perspectives / B. Dobek-Ostrowska. – Mode of access: http://digmybook.com/author/Boguslawaw_Dobek-Ostrowska

16. Харитоновна О. Г. Генезис демократии (попытка реконструкции логики транзитологических моделей) / О. Г. Харитоновна // Полис. – 1996.

17. Фисун А. А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации : монография / А. А. Фисун. – Харьков : Константа, 2006.

18. Латигіна Н. А. Демократія : реалії versus утопії / Н. А. Латигіна. – Київ : Київ. нац. торг.-екон. ун-т, 2008.

19. McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship : Noncooperative Transitions in the Postcommunist world / Michael McFaul // World Politics. – 2002. – Vol. 54, № 2 (January).

20. Бокало Н. Проблеми та перспективи демократизації в країнах центрально-східної Європи (на прикладі Вишеградської четвірки) / Н. Бокало, С. Трохимчик. – Львів, 2000.

Kyiv National University named after Taras Shevchenko

Vonsovych S., Associate Professor
E-mail: vonsovych@ukr.net
Tel.: 8 (473) 221-27-46